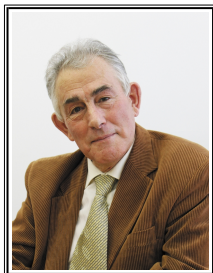

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Павел ГУРЕВИЧ

Доктор философских наук, доктор филологических наук,
профессор.

«ВЫСВЕЧИВАНИЕ» ЧЕЛОВЕКА: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПСИХОАНАЛИЗ МЕДАРДА БОССА¹

В статье даётся развёрнутое представление об экзистенциальном психоанализе швейцарского философа и психолога Медарда Босса. Опираясь на фундаментальную онтологию М. Хайдеггера, М. Босс критикует психодинамические теории человеческой психики и обращается к анализу проблемы человеческой природы. Человека, с точки зрения Босса, можно понять только как человека в мире (бытие-в-мире). Благодаря человеческому существованию бытие может проявить себя как таковое. В этом и состоит предназначение человека.

Базовой экзистенциальной категорией у М. Босса становится понятие «открытости». Открытость экзистенции позволяет в своей распахнутости узнать других людей и ответить на их собственный призыв к нам. Экзистенция при этом характеризуется Боссом как совместная, соучастная, наделённая «присутствием», представляющая собой ансамбль возможностей. М. Босс определяет человеческую экзистенцию через

---

¹ Данная статья была ранее опубликована как отдельная глава в книге П.С. Гуревича "Психоанализ. Т. 2: Современная глубинная психология" (М.: Юрайт, 2017). Настоящая публикация является отчасти переработанным и дополненным её текстом, подготовленным к изданию Э.М. Спириной.

экзистенциалы пространственности, темпоральности, телесности, событийности в совместном мире, настроенности, историчности и смертности. Реализация экзистенции, по Боссу, возможна только в свободном выборе, которым человек наделён изначально, но который он может утратить в процессе социализации. Блокировка открытости и свободы приводит человека к невротизации и болезни.

В статье также анализируется сущность психотерапевтического подхода М. Босса, опирающегося на стремление понять человека через «высвечивание» и открытость. Показано противостояние экзистенциального анализа классической психоаналитической традиции.

Ключевые слова: экзистенциальный психоанализ, человеческая природа, экзистенция, открытость, присутствие, экзистенциалы, подлинность бытия, телесность, соучастность, историчность

Сокрытость и высвечивание человека

Медард Босс родился 4 октября 1903 г. в Сент-Галлене, Швейцария. В детстве он мечтал стать художником, однако этой его мечте не суждено было осуществиться из-за противодействия отца, не любившего «безденежные» профессии. Босс, впрочем, на отца не слишком обиделся и поехал в Вену изучать медицину. В Вене, уже невзирая на возражения отца, он, будучи студентом, прошёл годичный курс психоанализа у З. Фрейда. Это событие он считал одним из самых значимых в своей жизни. Интересно отметить тот факт, что за анализ Боссу приходилось рассчитываться деньгами, предназначенными на еду, поэтому Фрейду пришлось часть денег Боссу возвращать, чтобы тот не умер с голоду.

После Вены в 1928 г. Босс вернулся в Швейцарию, где получил степень доктора медицины в Цюрихском университете. В это же время он учится психоанализу у Ханса Бен-Эшенбурга и медицине у Эугена Блейлера, ассистентом которого он работает в течение четырёх лет. Затем два года Босс проходит психоаналитическую подготовку в Лондоне и Германии у таких известных аналитиков, как Эрнст Джонс, Карен Хорни, Отто Фенихель и Вильгельм Райх. В Германии, кроме того, он работает вместе с Куртом Гольдштейном. В конце 1930-х гг. Босс знакомится с проживающим неподалёку от его дома Юнгом, семинары которого он будет посещать в течение 10 лет. По возвращении в Цюрих в 33-летнем возрасте он приступает к практике в качестве ортодоксального психоаналитика. Будучи восхищённым терапевтическим методом Фрейда, он тем не менее остаётся крайне неудовлетворён теоретическими основами психоанализа.

После встречи с Хайдеггером у Босса просыпается творческое вдохновение, и он пишет сразу несколько книг, которые позволяют утвердить особый вариант дазайн-анализа: «Значение и содержание сексуальных перверсий» (1949); «Введение в психосоматическую медицину» (1954); «Анализ сновидений» (1953); «Психоанализ и Dasein анализ» (1957).

В 1956 и 1958 гг., предварительно изучив хинди в институте Юнга, Босс совершает две полугодовые поездки в Индию. В 1971 г. выходит главный труд Босса «Основания медицины», в котором он скрупулёзно раскрывает соотношение медицины и психологии. Через четыре года появляется последняя систематическая работа Босса «Вчера я видел сон». В этом труде он прибегает к особому толкованию сновидений. Значительное внимание при этом он уделяет сходству и различию состояний сна и бодрствования.

Сам Босс считал, что горизонты мысли Хайдеггера оказались столь необъятными, что он не всегда имел возможность следовать за своим учителем. Фундаментальная онтология Хайдеггера оказывается фундаментом, на котором Босс выстраивает собственную концепцию. С этой позиции он приступает к критике психодинамических теорий человеческой психики – Фрейда, Райха, Хорни, Юнга, Салливена. Босс обращается к проблеме человеческой природы, полагая, что она не получила адекватного раскрытия у названных авторов.

Предложенные ими концепции не позволяют постичь сущность психотерапевтического процесса. Приходится заново осмысливать такие вопросы, как сущность человеческой психики и специфика человеческих отношений. Проблема состоит в том, чтобы понять, как человек вообще может быть.

М. Босс предлагает отказаться от ранее принятых в психоанализе сформулированных конструкций и предвзятых интерпретаций психики в её норме и патологии. К примеру, Босс не отвергает принятого положения о том, что в работе с пациентом нужно получить как можно больше клинической информации. Однако следует изменить характер вопрошания. Важно ответить не на вопрос: «Почему?», а на вопрос «Почему бы нет?». Предвзятость прежнего классического подхода Босс усматривает в том, что психоаналитики заведомо начинают оперировать такими понятиями, как «личность», «сознание», «психика». А это в свою очередь рождает определённую заданность человеческого поведения и принудительность к тому, как должен воспринимать пациент своё отношение к миру. Неожиданный, казалось бы, подход к человеку состоит в том, что тот способен существовать только в спектре отношений к другим объектам и другим людям, включённым в его мир. В качестве экзистенциальной категории у М. Босса выступает понятие «открытость». Только через призму этого понятия можно судить о том, здоров пациент или нуждается в терапии. Человеку при этом нельзя не осознавать, что что-то есть и что-то может быть.

Пациент может руководствоваться в своей жизни простым и стереотипным восприятием внутреннего и внешнего мира. Но он способен также высвечивать присутствие того, что может произойти. В жизни важно не только оценивать вещи и людей в пространственно-временном измерении. Есть также возможность мгновенного и почти интуитивного схватывания сущности других людей, которые в своём бытии-в-мире не изолированы от других вещей, что также присуще и мне самому.

Человечество можно уподобить сиянию, которое рождается из множества лучей, выражающих каждого отдельного человека. Человек же в этом отношении является не чем иным, как духовной светлостью. Наша неотделимость от других людей выражается в понятии *Mitwelt*. Открытость экзистенции позволяет в своей распахнутости узнать других людей и ответить на их собственный призыв к нам.

Но как можно понять это высвечивание человека? У Хайдеггера есть указание на «сокрытость», а выход из этой темноты и является высвечиванием. Когда человек обнаруживает способность к защите, он одновременно высвечивает значимые стороны своей жизни. Невротик или психотик потому и являются объектами психопатологии, что их выбор жизненных проектов реализуется в темноте. Они по определению лишены высветления.

Эти метафоры позволяют Боссу разъяснить мысль о том, что экзистенция не является закрытой, она является совместной. Аналитик постоянно сталкивается с тем, что пациенты слишком напряжены, пытаются держать под усиленным контролем события своей жизни. Не бойтесь вручить бразды правления своей судьбе. Только высвечивание позволяет привести к пониманию. Но оно вовсе не складывается из потока информации. Подобно тому как свет вспыхивает в темноте, так и человек переживает некую вспышку, которая озаряет его жизнь. При этом речь в данном случае идёт не о мыслительных процессах, а о чём-то более важном. Иногда мы говорим о близком человеке: «Он меня понимает». Это высокая степень доверия и признанности. Оценивая способность человека понимать другого, мы, по сути дела, позволяем ему быть в согласии с внутренними потенциями, смыслами и даже сущностью человека.

М. Босс предупреждает от упрощённой трактовки открытости. Её нельзя уподобить пустой комнате, куда вносят новые столы и шкафы. Здесь важна не только селекция, но и ответственность в выборе. Человека можно понять только как человека в мире (бытие-в-мире). Он постоянно не только встречается с другими людьми, но обнаруживает определённую способность к общению, к пониманию, к взаимодействию. Подобно тому как феноменолог отказывается от расхожей теоретической позиции, чтобы не затемнить своё сознание, так и аналитик стремится отказаться от предвзятости и позволить бытию самому проявить себя. Именно в этом и состоит человеческое предназначение. Бытие может проявиться как таковое именно благодаря человеческому существованию.

У М. Босса кроме термина «открытость» есть ещё понятие «присутствие». Ничего в мире не может случиться без нашего присутствия. Но это соучастие может оказаться формальным. Представим себе, скажем, современные ток-шоу. Их фигуранты кричат, яростно доказывают свою правоту. Но при этом никто никого не слышит и даже не пытается понять. Формальное присутствие выражает в данном случае, скорее, мыслительное и эмоциональное отсутствие. Истинное присутствие предполагает предельную ориентированность на другого, готовность к диалогу с ним. Такой тип общения описан М. Бубером.

Однажды известного гештальт-терапевта Ф. Пёрлза спросили, почему ему удаются столь внушительные результаты в его терапевтической активности. И он ответил: «У меня есть глаза, уши, и я не боюсь». В отношении того, что аналитик обязан в силу своей профессии внимательно слушать и проявлять предельную заинтересованность к тем обстоятельствам жизни, в которые его посвящают, это более или менее понятно. Но что означает «не бояться»? Это можно объяснить так: терапевт обязан взять на себя полную ответственность за то, что может произойти в ходе сеанса. Уклончивость, осторожность – плохие советчики в терапевтической работе.

В гуманистической психологии, в частности у А. Маслоу, о возможности говорят, имея в виду определённую, ещё не реализованную потенцию, заложенную в самой исходной ситуации. М. Босс иначе трактует это понятие. Он трактует возможность не просто как нереализованную потенцию. Босс говорит о необычайной вариативности того, что может произойти. Неожиданные ситуации столь же реальны, как и то, что мыслится как наиболее вероятное. Возможности заложены в самой структуре человеческого существования. Сама экзистенция есть не что иное, как ансамбль возможностей. Мы сами отвечаем за свой выбор. Однако это вовсе не призыв к авантюрам, поспешным и непродуманным решениям.

Мы сами несём ответственность за свой выбор. Даже если речь идёт о реальных ситуациях, осуществить их, что называется, разом невозможно. Выбор последовательности реализуемого также сопряжён с ответственностью. Свобода человека в том и обнаруживается, что людям свойственно видеть свои возможности. В конечном счёте реальна каждая возможность, однако не следует доверяться таким расхожим словам, как «актуализировать», «реализовать», поскольку в них содержится соблазн, что некоторые из проектов обладают большей реальностью или злободневностью. Вот почему психоаналитик имеет право в своей работе на определённую провокативность. «Почему бы нет?» – вовсе не означает призыва к лёгкости решений. Напротив, он позволяет напрямую встретиться с неожиданным выбором.

Свобода в своём бытии предполагает ответы на два выбора: с кем вступать в диалог и каким образом это реализовать. Без свободы никакая реализация экзистенции невозможна. В самом деле, если бы поведение человека предполагало определённую запрограммированность, то не было бы пространства для чувства вины, не удалось бы говорить о том, с чем мы встретились – со здоровьем или с патологией? В этом смысле пришлось бы вести речь и о терапевтическом освобождении. Осуществить выбор – это, вообще говоря, обязанность человека. Иначе невозможно исполнить свою экзистенцию. Но ведь и в классическом психоанализе речь идёт о том, чтобы освободить пациента от невротической несвободы. Скажем, носитель определённой психологической структуры словно приговорён к тому, чтобы быть заложником невроза и постоянно поступать именно так, как это обусловлено его характером. Но М. Босс ставит вопрос

гораздо радикальнее. Он исходит из того, что человек по определению обладает свободой. Но почему он оказывается вдруг ограниченным и закрепощённым созданием?

Ответы можно найти в характере современной социализации. С ранних лет ребёнок знает о всяких табу и находится под гнётом родительского программирования: «Делай, как я». Но дело не только в воспитании или формировании сверх-Я. Есть множество путей к добровольной несвободе. Цель терапии – возродить в душе пациента утраченную свободу. Невроз или болезнь можно рассматривать как обнаружение определённой блокировки изначальной открытости и свободы.

Экзистенция и экзистенциалы

Человеческая экзистенция конституируется экзистенциалами. Это необходимые черты человеческого существования, раскрывающие его внутреннее состояние. Вот они в перечислении М. Босса:

1. пространственность;
2. темпоральность;
3. телесность;
4. событийность в совместном мире (бытие-в-мире);
5. настроенность;
6. историчность (историческая память);
7. смертность (бытие-к-смерти).

Босс убеждён в том, что все экзистенциалы исконны и истинны в равной степени. Любой конкретный феномен человеческого существования может быть рассмотрен в качестве экзистенциала. Поэтому не следует размещать их в какой-либо иерархии. Именно их неразъёмность обеспечивает подлинность человеческого существования. Благодаря единству экзистенциалов мы способны оценивать всё, что встречается на нашем жизненном пути.

Пространство можно понимать лишь в физическом плане как расстояние между объектами. Тогда уместно видеть в пространстве что-то вроде космического контейнера. Такая трактовка пространства, возможно, годится для математического и геометрического представления. Неживые существа закрыты к восприятию своего собственного присутствия, а также присутствия других существ. Но применительно к человеку можно говорить также и о мыслимом, воображаемом пространстве. Оно обладает определённой значимостью для человека и имеет субъективный, психологический смысл. М. Босс писал: «Моё пространство и пространство моего друга коренным образом отличаются от пространства неживых вещей. Пространство между мной и дорожным знаком или между мной и моим другом есть *открытость*. И как открытость оно свободно и ясно. Дорожный знак может никогда не появиться перед нами. Кто-нибудь может взять и воздвигнуть стену между нами и знаком. Однако уже для того, чтобы

идея стены в пространстве была ему понятна и осознавалась им, он должен предварительно понять пространство именно как открытость» (перевод автора статьи, курсив оригинала. – П.Г.) [20, р. 87–88].

Люди способны вызвать в своём воображении различные пространственные смыслы. Так, известный астрофизик, говоря о неизмеримости Вселенной, подчёркивал, что надо обладать воображением специалиста, чтобы представить себе эти необъятные просторы. Мы также способны к визуализации и можем вызвать образы таких пространственных объектов, которых на самом деле не существует.

Простая привычка смотреть на часы, по мнению М. Босса, не приближает нас к пониманию природы времени. Любые рассуждения о времени и его измерения возможны только в том случае, если время уже дано. Первая фундаментальная характеристика времени – его значимость. Анна Ахматова называет ужасом то состояние, которое было однажды наречено «бегом времени». Но время обладает ещё одной характеристикой – это способность предоставлять данные. Мы говорим «во время оно», «сейчас», в «далёком прошлом». Это означает, что мы получаем некие сведения, которые имеют ценность и могут быть использованы.

Время может иметь прерывистый характер, но оно же имеет значение определённой целостности. Шутливое выражение: «Я буду любить тебя вечно, и только когда закончится эта вечность, я уйду к другой женщине». Эта характеристика времени называется у Босса протяжённостью. Наконец, время имеет публичный характер. Когда мы говорим: «Ну всё, повеселились, теперь давайте работать», – это означает, что слово «теперь» не требует особых согласований. Оно и так понятно, потому что «теперь» носит публичный характер. Оно не укоренено в единичном человеческом существе.

Для Вселенной время есть всегда, но человек может сослаться на то, что у него нет времени. Но в то же время «иметь время» не означает, что мы располагаем, владеем им. Скорее, оно владеет нами.

Тело является способом человеческого существования. Но тело не ограничено тем, что находится под кожей. Босс определяет телесность как сферу исполнения человеческого существования. Тело служит своеобразным индикатором отношения к миру. Его невозможно рассматривать только в чисто физическом, химическом плане. Босс иллюстрирует это своеобразным примером. Мало что можно понять в картинах Пикассо, если измерить только размеры картин или провести анализ красок. Формальные биологические показатели не раскрывают сущности тела. Парадокс состоит в том, что человек полнее осознаёт себя человеком как раз тогда, когда перестаёт чувствовать свою физическую телесность. В то же время, если человек забыл о своём теле, он не перестаёт быть телесным.

Если изучать человеческое тело как физический объект, то его пределы ограничены кожей. Но мы постоянно находим определённые отношения с тем, что находится за границами нашего тела. Это вовсе не означает,

что мы всегда находимся вне нашего физического тела. Наше тело постоянно выходит за собственные пределы. У. Джеймс обратил внимание на то, что уже одежда является в психологическом смысле частью нашей телесности. Мода простирает тело к потенциальным способам бытия. Босс подчёркивает, что границы моего тела совпадают с границами моей открытости миру. Отношения к миру меняются, и это обязывает нас иначе воспринимать телесные феномены.

Если нам рассказывают о казни какого-то человека, мы невольно съеживаемся, возможно, даже невольно принимаем позу жертвы. Человеческая телесность феноменологически вторична. Например, бушмен говорит своим внукам: «Я вижу, ваш отец возвращается с охоты. Он несёт на плечах убитое животное». Глаз не видит фигуру отца в его пространственной отдалённости. Но способность бушмена к визионерству позволяет восстановить картину. Мой глаз вряд ли может разглядеть то, что случится через год, но зрение человека способно «увидеть» эту реальность.

Человек никогда не существует одиноко, без других людей. А Робинзон Крузо, а отшельник, покинувший общество людей? Но парадокс состоит в том, что само одиночество невозможно без определённой соучастности других людей. «Совместность» Робинзона Крузо обнаружилась прежде всего в его одиноком существовании по тем же представлениям, которые он имел до того, как попал на остров. Именно в силу нашей фундаментальной событийности, совместности мы способны мгновенно понимать друг друга.

По коридору университета идёт, обнявшись, парочка – юноша и девушка. Мы воспринимаем эту пару как союз влюблённых. Нам это внятно не только потому, что мы способны к эмпатии и чужая любовь вызывает у нас определённые чувства. Мы понимаем происходящее не только поэтому. Важнее другое: мы – существо одного и того же вида. Происходящее понятно нам именно в силу своей открытости. Мы нередко понимаем друг друга мгновенно, без всякого сочувствия или сострадания именно по этой причине. Осознание человеческого существования как событийности в совместном мире позволяет нам иначе относиться к экстраординарным способностям, пиковым состояниям. Пушкинские строчки: «Есть упоение в бою, / И бездны мрачной на краю...» – вовсе не являются свидетельством какого-то единичного, никому более не знакомого состояния.

Соучастность человеческого существования обнаруживается и в том, что мы не можем не считаться с тем, как мы относимся к другому человеку, к человечеству в целом. Воздействуя на другого человека, я одновременно воздействую и на себя. Требование категорического императива: «Не делай ничего другому, что ты не хочешь, чтобы сделали тебе».

Открытость человека миру не является постоянной величиной. Она может расширяться или сужаться. Настроенность – весьма существенный экзистенциал. Когда мы проводили исследование в двух женских палатах, то обнаружили, что там, где женщины готовятся к материнству, в разговорах

господствуют идиллические сюжеты. В палате, где женщины ждали аборта, беседы носили характер ожидания скверного, страшного или даже кошмарного. Способ пребывания в мире всегда окрашен тем или иным настроением. Настроенность не следует рассматривать только как результат событий жизненной судьбы или сегодняшней конъюнктуры. Этими состояниями мы располагаем как изначально открытыми возможностями. То, что обычно называется эмоциями, чувствами или даже аффектами, – это реальные способы, в которых наша открытость может оказаться обуженной, нарушенной или даже закрытой.

Есть определение любви как чувства, которое выражает определённую настроенность. Понятно какую. Она возвещает возможность бытия-вместе, открывает такие возможности, которые не могут получить реализацию при одиночестве. Чтобы зачать ребенка, нужно участие двух родителей. Радостная ясность, которая сопровождает любовь, позволяет влюблённому видеть мир в другом свете, и каждая вещь открывается другим смыслом. Детская коляска, квалифицируемая как обычная вещь, теперь, в состоянии влюблённости, наполняется радостью предвкушаемого материнства или отцовства.

Точно так же можно говорить и о другом базовом состоянии – тревожности. Оно характеризуется как открытостью, так и ограниченностью. Мать переживает за своих детей, за их судьбу. Разрушение совместного бытия с ребёнком означает крушение её собственного бытия. Печаль как эмоциональное состояние способно вызвать в душе человека мысль о конечности человеческой жизни вообще. Печаль сопровождает крушение святынь, ценностных ориентиров. «Печален я: со мною друга нет...» (Пушкин). Печаль способна вызвать субъективное стремление удержать утрачиваемый объект, сохранить его: «Я вас любил: любовь ещё, быть может...».

Гнев и ненависть

Гнев и ненависть ограничивают возможности человека. Известный французский философ Андре Глюксманн показывает, что гнев не новость для человеческого существования [8]. Мы помним испепеляющее безумие Медеи, вакханалии зверства, продемонстрированные античными тиранами, беспощадный лик восточного деспотизма. Но почему философы так мало внимания уделили этой человеческой страсти? Не ищите это слово среди ключевых понятий у Аристотеля или Канта. «Злорадство», «невоздержанность», «ярость», «исступление» – пожалуйста. Но только не «ненависть». Не вчитывайтесь в сочинения философских антропологов. Есть и другие обозначения, но нет данной страсти. Не ройтесь в этических словарях. В качестве провозвестника «философии ненависти» можно назвать, пожалуй, только римского философа Сенеку.

А. Глюксманн – блестящий публицист. Его философское эссе меньше всего напоминает научный трактат. Нет в его книге стройного продвижения от проблемы к проблеме. Экспрессионистские мазки. Сгустки мысли. Журналистские зарисовки. Кружение вокруг философской цитаты. Но в целом литургически последовательная феноменология ненависти. «То жгучая и грубая, то скрытая и ледяная, неустанная ненависть неотступно преследует мир. Её упорный и упрямый призрак крушит частные отношения и публичные дела. При каждом её появлении мы делаем вид, будто с луны свалились» [8, с. 9].

Казалось бы, мы пережили чудовищные войны, убийственные революции, геноцид. Чему удивляться? Но воля к разрушению становится историческим фактом, который обязывает к философской и теологической рефлексии. Современный читатель сразу выразит недоумение: что тут особенного, так было всегда. Разве толпы в Древнем Риме не рукоплескали, когда гладиаторы убивали друг друга? Не доставляло ли язычникам неизъяснимое блаженство, когда первых христиан, завёрнутых в промасленные ткани, превращали в пылающие факелы? Человеческая жизнь редко в истории представляла собой особую ценность.

Кровная месть метит жертвы. Ещё живых, дышащих засыпают землёй. Пленников бросают в пламя. По сигналу хана неудобным переламывают позвоночник. Потом – кошмарное изобретение – гильотина. Окровавленная голова вызывает восторженный рёв толпы. Изошрённые пытки в подвалах. Фабрики смерти. Убийство, поставленное на поток. Цивилизованное зверство, не имеющее аналогов в истории.

У А. Глюксманна – другие иллюстрации. Число их множится от главы к главе. И в один ряд попадают и жертвы, и мстители. Любое возмездие вызывает аплодисменты. Ненависть, разумеется, не добродетель. Но как выйти из круга заклатья? Как в праведном гневе не обеспечить ещё один виток эскалации ненависти? Ответа в книге нет.

А. Глюксманн изобличает всякое проявление ненависти. Он предостерегает, вразумляет, разъясняет. «Зверь, полный бешенства, жестокая скотина, роль ненависти в чистом виде с её традиционными блестящими лохмотьями, зверством, исполняет для нас волк, раскладывая на прилавке полный её арсенал. Ненависть обвиняет, не зная. Ненависть судит, не выслушав. Ненависть выносит приговор по своему желанию. Она ничего не уважает, думает, что противостоит мировому заговору. В конце концов, закованная в латы своей мстительности, она рассекает все узлы произвольным и самовластным ударом зуба. Ненавижу, следовательно, существу» [8, с. 12].

Но попробуем ответить на вопрос: является ли ненависть врождённым антропологическим свойством человека или эта раковая опухоль – результат мучительных и неразрешимых проблем XXI в.? А. Глюксманн прежде всего хотел бы создать некую версию антропологической природы человека. Он стремится перетолковать известные нам мифологические и литературные сюжеты, чтобы приковать внимание к феномену разрушительного в человеке.

Разумеется, по словам Босса, ненависть – это своеобразное бытие-к-смерти. Несомненно, она сама вскармливает питающий её гнев. Нет желания оспорить, что ненависть питается разрушением любви, не подчиняясь ей, она царствует через внушаемый ею ужас.

Историчность как экзистенциал

Далее Босс раскрывает историчность как экзистенциал. Человек всегда существует в традиции, в истории. Это глубинная человеческая потребность. Именно мемориальная практика или, говоря словами М. Босса, историчность отличает человека от других существ вообще. Человеческая экзистенция исторична. Об этом свидетельствует и сама клиническая история, не говоря уже о жизненной истории в целом. Сам факт биографичности позволяет расширить экзистенцию человека от рождения до смерти. Да и сама смерть принадлежит человеку, поскольку она принадлежит самой жизни. Недаром древние говорили, что понять, как прожил человек свою жизнь, можно, только если сам человек уже на смертном одре. Смерть – неотвратимый предел человеческой экзистенции. Когда наступает кончина, экзистенция как телесное бытие-в-мире завершается. Разрушаются и прекращают существовать и неживые объекты. Но никто не умирает так, как это случается с человеком. В отличие от других созданий, человек знает о своей смертности. Возможно, животное тоже догадывается о том, что наступает конец. Однако сам факт знания о смерти вызвал к жизни, по словам А. Шопенгауэра, такой феномен, как философия. Смертность можно считать одной из самых существенных черт человеческой экзистенции.

Но данное знание о смерти тем не менее не освобождает человека от этой участи. У него нет выбора. Само существование человека определяется этим постоянным отношением к смерти. Эту реальность Хайдеггер назвал бытием-к-смерти. Однако отношение к этой истине, к этой предельности земного существования может оказаться различным. Один из распространённых способов переживания грядущей смерти – бегство от неё. Человек старается не думать о ней, создавать о ней самые превратные образы. Отношение к смерти может сопровождаться страхом, при этом сама кончина является в качестве экзистенциального инстинкта страха пустоты. Совершенно очевидно, что после смерти экзистенция не может существовать в тех же измерениях, что и прежде. Но и думать о смерти как о тотальном уничтожении, аннигиляции нет оснований. Не исключена возможность существования в других формах бытия, которые незримы для обычных смертных. Босс также не исключает, что умершая экзистенция может неясным способом присутствовать в реальном человеческом бытии.

Босс показывает, как по-разному люди относятся к смерти в её канун. Порой пожилые люди уходят из этого мира с чувством исполненного

долга. Но чаще можно увидеть панику, полную деморализацию тех, кто не обращал внимания на собственную экзистенцию, не реализовал своих возможностей.

Готовность к смерти, трезвое осознание конечности человеческой жизни существенным образом определяет и самоё жизнь. Человек может освободиться от ложных представлений о жизни, от рутины и убогости собственного бытия.

Движение к новой психологии

М. Босс наметил несколько векторов, на основании которых может реализоваться движение к новой психологии.

Первый вектор – движение от понимания тела в качестве физического организма к идее телесности. Напомним, что телесность, по Боссу, распространяется практически на всю человеческую действительность, пронизывает ментальную и эмоциональную жизнь человека и начисто исключает дуализм души и тела.

Второй вектор – от понятия психики к человеческому бытию-в-мире. Основная идея Босса заключается в том, чтобы, наконец, отказаться от традиционного представления психики в виде некоей изолированной капсулы с некоторыми ментальными и аффективными свойствами. Окончательно разрубить гордиев узел соотношения физического и психического единственно возможным для Босса путём – рассматривать психические феномены как проявления человеческой открытости миру и бытия-в-мире.

Третий вектор – движение от концепта сознания к фундаментальной открытости человеческого существования. В противоположность Фрейдю Босс утверждает, что на самом деле нет никакой структуры сознания. В концепции Босса, так же как Хайдеггера и их древнегреческих коллег, понятие «эго» отсутствует вообще. Субъектом, если можно так выразиться, становится само бытие. В этом смысле сознание есть феномен открытости человека феноменам, которые ему встречаются (открываются).

Четвёртый вектор – от психического бессознательного к фундаментальной сокрытости. Данный вектор очень близок к тому, который обсуждался ранее. В этом смысле то, что, по Фрейдю, было бессознательным, выступает закрытым (сокрытым) для принимающего пространства открытости, каковым, по Боссу, и является человек. Оно просто исчезает из человеческого мира.

Пятый вектор – от понятия влечения к человеческой возможности специфическим образом относиться к окружающему миру. Босс подробно разбирает само понятие «влечение», его исторические корни, этиологию и демонстрирует изначальную механистичность этого понятия. Вначале понятие «влечение» использовалось в гидравлике, затем в органической

химии. Из истории становится понятным, откуда берёт истоки гомеостатическая модель психики у Фрейда. Критикуя явную ограниченность и несостоятельность этой модели, Босс предлагает акцентировать внимание на специфике нашего отношения к феноменам окружающего мира и к самому миру в целом. Именно в этой специфике, в нашей особой настроенности на мир заключена сущность тех явлений, которые традиционно принято называть влечениями.

Шестой вектор – от психических инстанций (агентов) к экзистенциальному пониманию человеческих способов поведения. Под психическими инстанциями подразумеваются прежде всего *Я*, *Оно* и *Сверх-Я* Фрейда, потому что Босс противопоставляет себя в первую очередь Фрейду. Пафос Босса заключается в основном в том, что в феноменах той человеческой реальности, которую принято называть психической, действует не тот или иной агент (*Я*, *Оно* и *Сверх-Я*), а действует само Бытие, выражая себя в специфических для каждого конкретного человека формах его поведения. Поэтому и путь к пониманию конкретного человеческого поведения лежит через понимание его мира и его специфического отношения к своему миру, к вещам, которые ему в этом мире встречаются.

Седьмой вектор – от эмпатии к постижению того, как люди непосредственно понимают друг друга. Босс говорит о том, что понимание между людьми происходит мгновенно, и для того чтобы оно произошло, не нужно никакого специального вчувствования. Понимание людьми друг друга есть изначальное условие их бытия и связано с их открытостью по отношению друг к другу. На то, как люди понимают друг друга, оказывают влияние их настроенность в каждый конкретный момент времени, а также преобладающий характер их настроенности в целом.

Последний, *восьмой, вектор* – от психических причин и психодинамики к пониманию мотивационных контекстов. Босс отвергает каузальное объяснение человеческого поведения и даёт его объяснение (в терминах Босса вернее было бы сказать – высвечивание) через смысловые контексты отношения человека к возможностям своего бытия-в-мире. Способность постигать значение и смысл встречающихся (открывающихся) феноменов – исключительная прерогатива человека, радикально отличающая его бытие от бытия других существ. Сама психодинамика как таковая для Босса невозможна, как невозможна базовая – для любой психодинамики – структурная модель психики. Понимание человеческой мотивации для Босса лежит в измерении значимости того, что для нас важно в мире. Из разной значимости разных вещей складываются определённые мотивационные контексты, через которые только и возможно понимание направленности и смысла человеческого поведения. Любая психологическая теория, пишет Босс, которая переводит мотив и мотивационный контекст в психодинамику и каузальные связи, нарушает само основание человеческого бытия [20, p. 127–128].

Нет необходимости рассматривать М. Босса как противника З. Фрейда. Напротив, М. Босс с восторгом писал о практических основах классического психоанализа. Расхождение с Фрейдом касалось только теоретических аспектов, которые не вызвали восхищения у М. Босса. В своих воспоминаниях М. Босс также призывает в союзники М. Хайдеггера, который после того, как получил определённое представление о сути психоанализа, вроде бы недоумевал, неужели такой интеллигентный и образованный человек, как Фрейд, мог выстраивать какие-то причудливые предположения о различии психики мужчины и женщины. С некоторым, возможно, преувеличением М. Босс даже подчёркивает, что Хайдеггеру становилось дурно, когда его знакомили с теоретическими выводами Фрейда.

Психотерапевтическая практика

Но собственно и психотерапевтическая практика Фрейда вызвала ряд едких замечаний Босса. Он иронизировал по поводу длительных разглагольствований, которые, по его мнению, сопровождают сеансы и могут вызвать некий «невроз психоанализа». Вместе с тем удивительно, что при таком отношении к классической психотерапии сам Босс не отказался от кушетки, сохранил метод свободных ассоциаций. Но надо сказать и о принципиальном различии в практической работе Фрейда и Босса. Врач и пациент в психоанализе всё-таки остаются в разных сферах. Пациент является объектом исследования, которое проводит аналитик. В технике Босса аналитик и пациент рассматриваются как некое гештальтное целое. В результате процесс освобождения касается не только пациента, он существенно затрагивает и самого аналитика.

По существу даэзин-анализ также проявляет интерес к жизненной истории, к символике сна, к свободным ассоциациям, которые возникают у пациента. Но толкование клинического случая отличается. Приверженцы М. Босса стараются зафиксировать структуры психики пациента, выявить экзистенциалы. Сам речевой материал обладает для Босса неоспоримой ценностью. Но вот использование такого защитного механизма, как перенос, имеет свои особенности. Босс считает, что характер отношений с аналитиком выходит за рамки самого сеанса. Здесь обнаруживается нечто большее, а именно кристаллизация отношений пациента с близкими ему людьми. В то же время этому механизму придаётся меньшее значение. Он используется в основном только по ситуации. Нет у сторонников Босса и своеобразной гипертрофированной тенденции – во что бы то ни стало преодолеть сопротивление пациента. Наоборот, в обозначении тех жизненных проектов, которые возникают у пациента, аналитик обнаруживает ценный материал.

Надо сказать, что сам механизм сопротивления трактуется у М. Босса не как отступление от терапии, а как нежелание разглядеть потенциал соб-

ственного бытия. В классическом психоанализе завершением терапии оказывается устранение симптома болезненности. Но для Босса это далеко не финал. Центр тяжести падает на постижение пациентом смысла своего человеческого бытия. Иначе трактуется и феномен вины. Для классического психоанализа это чувство возникает у пациента в результате действия супер-эго. Как только исчезает ощущение виновности, можно говорить о том, что пациент избавлен от страданий. Однако М. Хайдеггер и М. Босс считают, что это чувство (виновности) так же неотделимо от человеческого существования, как, скажем, страх или тревога. Именно поэтому ликвидация данного состояния невозможна. Вина, согласно Хайдеггеру, это зов бытия. Стало быть, через вину можно высветлить внутренний мир человека во всей его полноте. Главная цель анализа М. Босса – достижение свободы и открытости.

Но ведь Фрейд тоже добивался от пациентов предельной искренности, свободы и истины. Разве это не перекликается с экзистенциальной терапией? Очевидно, нет, поскольку трактовка свободы через либидо никак не укладывается в русло экзистенциального психоанализа. Да, двигался, можно сказать, в том же направлении. Поэтому его технику можно считать тем же экзистенциальным психоанализом, но при условии, что будет признана недостаточная отрефлексированность фрейдовской позиции.

Босс подчёркивает, что экзистенциальный анализ предполагает использование различных философских, научных, психологических и психотерапевтических ходов мысли. В фундаменте психотерапевтического подхода М. Босса – стремление понять и осмыслить человека как свет и открытость. Такой философско-антропологической напряжённости в трудах Фрейда нет. В экзистенциальном психоанализе проступает забота о развитии растений, животных и людей. В этом направлении реализуется и забота. Классический психоаналитик нередко соотносит предъявленную ему клиническую историю с тем, что уже встречалось в его практике. Экзистенциальный аналитик избегает готовых рецептов, но игнорирует различные факторы, которые обуславливают человеческую психику. Духовные обнаружения Фрейд интерпретирует в духе инфантильно-либидозной фиксации. Однако такая узкая трактовка не подходит для экзистенциальной практики. Отношение к божественности является вообще важным фактором, определяющим судьбу человека. Босс считал, что фундаментальная возможность исцеления пациента может быть реализована только в адекватном бытии-вместе терапевта и пациента в психотерапевтической ситуации, через которое мы можем вернуть пациенту его утраченное подлинное Я.

В классическом психоанализе аналитик ставит диагноз и сам определяет пути лечения. Для сторонников М. Босса такая позиция оценивается как авторитарная. В терапии М. Босса главное внимание уделяется диалогу. Участники сеанса при встрече «высвечивают друг друга». Но здесь не следует допускать примитивного представления, согласно которому аналитик ничем

не отличается от пациента. Их взаимодействие свидетельствует о целостности, а не о равнозначности двух субъектов, вступивших на путь терапии.

Говоря об экзистенциальной терапии, разумеется, невозможно обойти тему сексуальных перверсий. Фрейд не раз подчёркивал, что всевластие любви особенно впечатляюще обнаруживается именно в отклонениях. Но Босс не разделяет концепцию Фрейда, который рассматривает перверсии как результат сбоя психосексуального развития. По Боссу, здесь нужно искать некую смесь страха, вины и отвращения. Он ведёт речь об узости, ригидности и сопротивляемости психического мира тех, кто отказался от гетеросексуальных отношений. Здесь точка зрения М. Босса всё же не соотносится со многими современными представлениями об этих отклонениях. Он изо всех сил старается показать ущербность этих перверсий. Но сегодня общество проявляет терпимость к гомосексуализму или лесбиянству, не пытается во что бы то ни стало вернуть заблудших на «правильный путь».

Внутри экзистенциального психоанализа, разумеется, можно проследить и внутреннюю полемику и сходные мотивы. Но каждый исследователь являет собой значительную и продуктивную фигуру.

Список литературы

1. *Алейник Р.* Фундаментальная онтология как антропология // *Философская антропология*. 2015. Т. 1. № 1. С. 135–149. URL: <https://pa.iph.ras.ru/article/view/1085/806> (дата обращения: 18.06.2017).
2. *Бинсвангер Л.* Бытие-в-мире. Введение в экзистенциальную психиатрию. М.: КСИ+; СПб.: Ювента, 1999. 299 с.
3. *Босс М.* Недавние размышления о даэин-анализе // *Московский психотерапевтический журнал*. 2009. № 2 (61). С. 147–167.
4. *Бубер М.* Я и Ты / Послесл. П.С. Гуревича. М.: Высшая школа, 1993. 173 с.
5. *Власова О.А.* Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ: история, мысли, проблемы. М.: Территория будущего, 2010. 640 с.
6. *Власова О.А.* Экзистенциальная аналитика и экзистенциальный анализ: Хайдеггер – Бинсвангер – Босс // *Топос*. 2007. № 3 (17). С. 61–74.
7. *Глюксманн А.* Философия ненависти. М.: АСТ: Транзиткнига, 2006. 288 с.
8. *Гуревич П.С.* Психоанализ: в 2 т. Т. 2. Современная глубинная психология. М.: Юрайт, 2013. 564 с.
9. *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1: Общее введение в чистую феноменологию. М.: Академический проект, 2009. 489 с.
10. *Da-sein-анализ в философии и психологии / Под ред. Г.М. Кучинского, А.А. Михайлова.* Мн.: Европейский гуманитарный университет, 2001. 204 с.
11. *Делёз Ж.* Критика и клиника / Пер. с франц. О.Е. Волчек и С.Л. Фокина. СПб.: Machina, 2002. 240 с.
12. *Кузнецов Л.В.* Психоанализ второй ступени. Кн. 2: Идеология индивидуума. М.: Росткнига, 1999. 237 с.
13. *Кузьмина Т.А.* Нельзя, потому что нельзя // *О праве лгать / Сост. и ред. Р.Г. Апресян.* М.: РОССПЭН, 2011. С. 365–381.

14. *Левчук Л.Т.* Психоанализ: от бессознательного к «усталости от сознания». Киев: Выща шк.: Изд-во при Киев. гос. ун-те, 1989. 181 с.
15. *Леонтьев Д.А.* Экзистенциальный подход в современной психологии личности // Вопросы психологии. 2016. № 3. С. 3–15.
16. *Летуновский В.В.* Сравнительный анализ методологических оснований вариантов экзистенциального анализа Л. Бинсвангера и М. Босса // Понимание как фактор личностного развития. Кемерово: Графика, 2002. С. 28–39.
17. *Сартр Ж.-П.* Первичное отношение к другому: любовь, язык, мазохизм / Пер. В. Биbihина // Проблема человека в западной философии: переводы / Сост. и послесл. П.С. Гуревича; общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 207–228.
18. *Хайдеггер М.* Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.
19. *Boss M.* Existential Foundations of Medicine and Psychology. L.; N.Y.: Aronson, 1979. 303 p.
20. *Boss M., Condrau G.* Existential Analysis // Psychoanalytic Techniques / Ed. B.B. Wolman. N.Y., 1967. P. 443–470.

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Pavel GUREVICH

DSc in Philosophy, DSc in Philology, Professor.

“HIGHLIGHTING” OF THE HUMAN BEING: AN EXISTENTIAL PSYCHOANALYSIS OF MEDARD BOSS

The article gives a detailed view of the existential psychoanalysis of Swiss philosopher and psychologist Medard Boss. Based on the fundamental ontology of M. Heidegger, M. Boss criticizes the psychodynamic theories of the human psyche and turns to the analysis of the problem of human nature. A person, from Boss's point of view, can only be understood as a person in the world (being-in-the-world). Through human existence, being can manifest itself as such. This is the destination of man.

The basic existential category of M. Boss is the concept of “openness”. The openness of existence allows us to get to know other people and respond to their own call to us. Existence is characterized by the Boss as joint, complicit, endowed with “presence”, which is an ensemble of possibilities. M. Boss defines human existence through the existentials of spatiality, temporality, corporeality, eventfulness in the shared world, mood, historicity, and mortality. The realization of existence, according to Boss, is possible only in the free choice that a person is initially endowed with, but which he may lose in the process of socialization. Blocking openness and freedom leads a person to neuroticism and illness.

The article also analyzes the essence of the psychotherapeutic approach of M. Boss, which is based on the desire to understand a person through “highlighting” and openness. The article shows the opposition of existential analysis of the classical psychoanalytic tradition.

Keywords: existential psychoanalysis, human nature, existence, openness, presence, existentials, authenticity of being, corporeality, participation, historicity

References

1. Aleynik, R. “Fundamental'naya ontologiya kak antropologiya” [Fundamental Ontology as Anthropology], *Filosofskaya antropologiya*, 2015, T. 1, No. 1, pp. 135–149 [https://pa.iph.ras.ru/article/view/1085/806, accessed on 18.06.2017]. (In Russian)
2. Binswanger, L. *Bytie-v-mire. Vvedenie v ehkzistentzial'nuyu psikiatriyu* [Being-in-the-world. Introduction to Existential Psychiatry]. Moscow: KSI+ Publ., 1999. 299 pp. (In Russian)
3. Boss, M. “Nedavnie razmyshleniya o dazein-analize” [Recent Reflections on Dasein-analysis], *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal*, 2009, No. 2 (61), pp. 147–167. (In Russian)

4. Boss, M. *Existential Foundations of Medicine and Psychology*. L., N.Y.: Aronson, 1979. 303 pp.
5. Boss, M. & Condrau, G. "Existential Analysis", *Psychoanalytic Techniques*, ed. B.B. Wolman. N.Y., 1967, pp. 443–470.
6. Buber, M. *Ya i Ty* [I and Thou]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1993. 173 pp. (In Russian)
7. *Dasein-analiz v filosofii i psikhologii* [Dasein-analysis in Philosophy and Psychology], eds. G.M. Kuchinsky & A.A. Mikhailov. Minsk: European University for the Humanities Publ., 2001. 204 pp. (In Russian)
8. Deleuze, G. *Kritika i klinika* [Criticism and Clinical], trans. O.E. Volchek & S.L. Fokin. St. Petersburg: Machina Publ., 2002. 240 pp. (In Russian)
9. Glucksmann, A. *Filosofiya nenavisti* [The Philosophy of Hate]. Moscow: AST Publ., 2006. 288 pp. (In Russian)
10. Gurevich, P.S. *Psikhoanaliz* [Psychoanalysis], Vol. 2. Moscow: Yurait Publ., 2013. 564 pp. (In Russian)
11. Heidegger, M. *Bytie i vremya* [Being and Time]. Kharkov: Folio Publ., 2003. 503 pp. (In Russian)
12. Husserl, E. *Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii* [Ideas to Pure Phenomenology and to Phenomenological Philosophy], Vol. 1. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2009. 489 pp. (In Russian)
13. Kuzmina, T.A. "Nel'zya, potomu chto nel'zya" [You Can't, Because You Can't], *O prave l'gat'* [The Right to Lie], ed. R.G. Apressyan. Moscow: ROSSPEHN Publ., 2011, pp. 365–381. (In Russian)
14. Kuznetsov, L.V. *Psikhoanaliz vtoroi stupeni* [Second-stage Psychoanalysis], Vol. 2. Moscow: Rostkniga Publ., 1999. 237 pp. (In Russian)
15. Leontiev, D.A. "Ehkzistentsial'nyi podkhod v sovremennoi psikhologii lichnosti" [The Existential Approach in Contemporary Psychology of Personality], *Voprosy psikhologii*, 2016, No. 3, pp. 3–15. (In Russian)
16. Letunovskii, V.V. "Sravnitel'nyi analiz metodologicheskikh osnovanii variantov ehkzistentsial'nogo analiza L. Binsvanger i M. Bossa" [Comparative Analysis of the Methodological Foundations of Existential Analysis Options by L. Binswanger and M. Boss], *Ponimanie kak faktor lichnostnogo razvitiya* [Understanding as a Factor of Personal Development]. Kemerovo: Grafika Publ., 2002, pp. 28–39. (In Russian)
17. Levchuk, L.T. *Psikhoanaliz: ot bessoznatel'nogo k «ustalosti ot soznaniya»* [Psychoanalysis: from the Unconscious to "Consciousness Fatigue"]. Kiev: Vyshcha shkola Publ., 1989. 181 pp. (In Russian)
18. Sartre, J.-P. "Pervichnoe otnoshenie k drugomu: lyubov', yazyk, mazokhizm" [Primary Relationship to the Other: Love, Language, Masochism], trans. V. Bibikhin, *Problema cheloveka v zapadnoi filosofii* [The Human Problem in Western Philosophy], ed. Yu.N. Popov. Moscow: Progress Publ., 1988, pp. 207–228. (In Russian)
19. Vlasova, O.A. "Ehkzistentsial'naya analitika i ehkzistentsial'nyi analiz: Khaidegger – Binsvanger – Boss" [Existential Analytics and Existential Analysis: Heidegger – Binswanger – Boss], *Topos*, 2007, No. 3 (17), pp. 61–74. (In Russian)
20. Vlasova, O.A. *Fenomenologicheskaya psikiatriya i ehkzistentsial'nyi analiz: istoriya, mysliteli, problemy* [Phenomenological Psychiatry and Existential Analysis: History, Thinkers, Problems]. Moscow: Territoriya budushchego Publ., 2010. 640 pp. (In Russian)